

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-65-73

УДК 316.74

Религиозная безопасность: методические подходы и опыт региональных исследований в контексте современной социологии

Иван Владимирович Суслов

кандидат социологических наук, доцент
кафедры истории, политологии и социологии,
Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ)
suslov85@inbox.ru

Аннотация. Современная российская карта угроз религиозной безопасности многогранна. Согласно многим исследованиям, первое место в иерархии угроз занимает деятельность радикальных исламистов, пропагандирующих экстремистские цели, на втором месте — активность нетрадиционных религий. Статья посвящена анализу методического инструментария и результатов региональных и всероссийских социологических опросов, направленных на выяснение качества межконфессиональных отношений и места религиозных рисков в системе национальной безопасности. Исследования религиозной сферы требуют известной деликатности, что лишь усложняет процесс составления эмпирического инструментария. В статье проанализирован опыт социологических опросов в регионах Поволжья (Башкирии, Пензе, Ульяновске, Мордовии, Астрахани) и Северного Кавказа, привлекались также и данные всероссийских опросов. Целью статьи является определение наиболее эффективных методических стратегий измерения межконфессионального напряжения и определения уровня опасности совершения насилия на религиозной почве. Анализ методического инструментария показывает, что высокая тревожность массового сознания фиксируется с помощью вопросов о допустимости или недопустимости насилия в межрелигиозных отношениях; о необходимости предоставить той или иной конфессии особые права (официально закрепить ее господствующее положение); о пользе или вреде перехода из одной религии в другую; об отношении к демонстрации в публичной сфере религиозных символов (например, хиджаба). Анализ стратегий эмпирических исследований позволил зафиксировать тенденцию представлять нетрадиционные для России конфессии как серьезную угрозу религиозной безопасности, а также объединять под единой шапкой такие разнородные явления, как ваххабизм, движение свидетелей Иеговы, протестантизм, кришнаизм. Напротив, традиционные религии российскими политологами рассматриваются в качестве главных союзников государства в сфере поддержания религиозной безопасности. Сформулирован вывод, согласно которому именно выбор методики исследования, в немалой мере определяющей его результаты, может формировать адекватные или иллюзорные представления о степени религиозной безопасности как у заказчиков исследования, так и в целом у населения нашей страны.

Ключевые слова: религиозная безопасность, межконфессиональные отношения, методический инструментарий, эмпирические исследования, регионы.

Цитирование: Суслов И. В. Религиозная безопасность: методические подходы и опыт региональных исследований в контексте современной социологии / И. В. Суслов // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 4 (10). С. 65-73. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-65-73

ВВЕДЕНИЕ

Межконфессиональные отношения занимают важное место в списке интересов социальных наук. Однако исследования религиозности как фактора безопасности настолько же сложны, насколько и деликатны. Изучение религиозной сферы требует осторожности этической, связанной с опасностью задеть чувства верующих, а также методической — при составлении вопросов с целью оценить потенциальные риски и угрозы религиозной безопасности. Анализ социологического инструментария уже проведенных эмпирических исследований является обязательным этапом в составлении авторской методики изучения образа конфессиональных отношений в массовом сознании.

В настоящей статье внимание будет уделено опыту опросов всероссийских, а также региональных (проведенных в Башкирии, Пензе, Ульяновске, Мордовии, Астрахани, на Северном Кавказе). Российские исследователи предлагали респондентам высказать мнение по проблемам распространения радикальных (экстремистских) религиозных концепций, роста популярности нетрадиционных для России конфессий (в том числе и новых религиозных движений), сближения государства и традиционных конфессий, предоставления некоторым религиям преференций, межконфессиональных отношений в стране и регионе.

Накопление эмпирического материала актуализирует потребность в его обобщении и анализе. Целью статьи является определение наиболее эффективных методических стратегий измерения межконфессионального напряжения и уровня опасности совершения насилия на религиозной почве.

Обзорное исследование опыта проведенных эмпирических исследований позволит оценить стратегии определения актуальных для российского массового сознания религиозных рисков, в том числе выявления социальных групп, потенциально склонных к участию в дестабилизации религиозной сферы, а также осуществления непрямой (скрытой) диагностики вероятности конфликтов на религиозной почве в регионах.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Опыт эмпирического измерения межконфессионального напряжения и определения уровня опасности совершения насилия на религиозной почве

Межконфессиональная напряженность и конфликтность могут стать серьезной угрозой религиозной безопасности. В социологических исследованиях преобладают прямые вопросы, например: «Оцените характер межконфессиональных отношений в Мордовии» [10, с. 134-147] или «По Вашему мнению, какова религиозно-конфессиональная обстановка в Дагестане?» [6, с. 94-99]. В ходе опроса в Мордовии в августе 2017 г. 8% респондентов отметили конкретные случаи возникновения неудобства или нарушения прав, связанных с религиозной идентичностью. Межконфессиональные отношения в регионе как добрососедские оценили 76% опрошенных, и лишь 14% отметили напряженность на бытовом уровне.

Однако прямой вопрос респондентам позволит оценить реальную ситуацию в системе религиозных отношений только в случае наличия в регионе явных межконфессиональных противоречий. Выяснение скрытой напряженности и скрытых страхов предполагает применение более сложной эмпирической стратегии. Например, измерение в отдельных социальных группах позволило выявить следующие очаги напряжения. Тех, кто сталкивался с проблемами или нарушениями прав на религиозной почве, в Мордовии среди татар оказалось 34%. Среди городского населения и молодежи напряжение в межконфессиональных отношениях на бытовом уровне ощущается существенно выше, чем в среднем по региону [10].

В некоторых исследованиях предлагается выявлять наличие и отсутствие скрытых страхов (которые являются потенциальными угрозами религиозной стабильности) в массовом сознании с помощью вопроса о допустимости или недопустимости насилия в межрелигиозных отношениях. Опрос в Ульяновске и Пензе в 2015 г. показал, что тезис «насилие в межнациональных и межрелигиозных отношениях недопустимо» поддержи-

вают 85,3% татар 88,7% русских, 89,6% мордвы [2, с. 64-72]. Однако могут ли данные положительные показатели свидетельствовать о высоком уровне толерантности?

Сомнения в высоком уровне толерантности и отсутствии скрытых страхов и напряжения связаны с тем, что изменение формулировки вопроса приводит к неожиданным результатам. В ходе опроса в Ульяновске и Пензе в 2015 г. респондентов спрашивали: «Допускаете ли вы в определенных случаях (если нарушается справедливость в отношении вашего народа и веры) применение насилия к представителям других этносов или конфессий»? В результате оказалось, что 47,3% русских, 33,3% татар и 54,1% мордвы потенциально готовы на применение силы в возможной кризисной ситуации. Высокая доля респондентов, ответивших утвердительно, косвенным образом свидетельствует и об уровне межконфессиональной напряженности. Таким образом, скрытые страхи (недовольство динамикой религиозной обстановки) выявляются при изменении формулировки вопроса. Л. М. Дробижина считает, что данное социологическое исследование зафиксировало новую и тревожную тенденцию массового сознания, вызванную распространением в СМИ негативного образа инокультурных мигрантов.

Второй способ выяснить уровень тревожности общественного сознания в сфере межконфессиональных отношений, а также прогнозировать возможность конфликтов на религиозной почве заключается в определении доли респондентов, считающих необходимым предоставить той или иной конфессии особые права (официально закрепить ее господствующее положение). Установление приоритета в государстве или регионе одной из религий может вызвать недовольство со стороны других конфессий, а также являться косвенным доказательством наличия у религиозного большинства или низкого уровня толерантности, или тревожного чувства неполноценности, или и того и другого одновременно.

Всероссийский опрос Левада-центра в 2016 г. фиксирует устойчивый отказ (со стороны 69% респондентов) российского общества от предоставления православной религии законных преимуществ

«перед атеистами и людьми других вероисповеданий». Похожие результаты были получены и, например, при региональном опросе в Волгоградской области в 2013 г. [12].

Однако подобная толерантность характерна не для всех республик Российской Федерации. Опрос жителей Дагестана в 2009 г. продемонстрировал желание 62% респондентов предоставить большие права исламу [17, с. 29-32]. Более того, около 23% дагестанцев в 2010 г. отметили допустимость насильственного навязывания религиозной веры [6].

Изменение формулировки вопроса приводит и к изменению полученных результатов. По данным всероссийского опроса ИС РАН в 2014-2015 гг., 72% православных, 57% мусульман, 54% атеистов одобряют усиление роли РПЦ в государственной политике «при определенных обстоятельствах, когда встанет вопрос о безопасности и защите суверенитета страны» [7, с. 110-118].

Исследования в Поволжском регионе показали, что среди русских респондентов 88% выступают за то, что «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России». Однако во время того же исследования выяснилось, что 57% среди русских выступают за «приоритетность поддержки русской культуры и православия» [2]. Таким образом, упоминание в формулировке вопроса «русской культуры» и «православия» позволяет мобилизовать на поддержку одной из религий более половины представителей преобладающей в России этнической группы.

Отношение к традиционным религиям (и в частности к православию) в российском обществе достаточно противоречиво. С одной стороны, религия большинства населения является сильным идентификационным маркером, и потому занимает важное место в сознании русских; с другой стороны, структура РПЦ вызывает у определенной части общества нарекания по известным поводам. Кроме этого, безусловно, в российском обществе с советских времен сильны гуманистические послы, определяющие необходимость равного (и даже скорее равнодушного) отношения к представителям различных конфессий. Данные тенденции воплощаются в невысокой поддержке

православия, однако, опять же, небольшие изменения формулировок вопросов позволяют склонить существенную часть респондентов к тезису о необходимости дополнительной поддержки православия.

Третий способ выяснить состояние межконфессиональных отношений предполагает фиксацию отношения респондентов к новым (нетрадиционным для региона) религиозным движениям. Данные опросов позволяют зафиксировать степень раздражения населения активным прозелитизмом и сделать вывод об уровне межконфессиональной напряженности.

В арсенале социологического инструментария имеется вопрос о конкретных ограничениях деятельности представителей нетрадиционных религий, которые стоит законодательно закрепить. Например, опрос 2005 г. Института лютеранской церкви Финляндии, Академии наук Финляндии и Российской академии наук показал, что более половины россиян (55%) хотели бы запретить представителям нетрадиционных религиозных деноминаций покупать или строить здания, «60% — проповедовать в общественных местах, 66% — распространять свои издания; 62% — открывать религиозные школы; 62% — проповедовать по телевидению» [16, с. 109-111]. Данные результаты трактовались как следствие складывания общеправославного консенсуса.

Результаты эмпирического замера уровня неодобрения деятельности представителей тех или иных конфессий позволяют говорить об особенностях общественного взгляда на угрозы и состояние религиозной безопасности.

Четвертым способом определения уровня общественной тревожности, мешающей поддержанию стабильных межконфессиональных отношений, является вопрос об отношении респондента к фактам смены религии. Фактором увеличения конфликтных ситуаций в межконфессиональном пространстве является восприятие представителей других конфессий как «чужих» [3, с. 102-111]. Однако астраханские ученые указывают, что историческая поликонфессиональность прикаспийского региона является благоприятным базисом для поддержания

толерантности к религиозной инаковости. Социологические опросы показали, что повышение культурной гетерогенности в публичном пространстве, распространение, например, моды среди девушек-мусульманок на ношение хиджаба, не воспринимается представителями остальных конфессий как угроза [15].

Астраханские исследователи обратились к изучению фактов влияния религиозной трансгрессии на обострение межрелигиозных отношений. В ходе опроса и проведения фокус-группы основная масса респондентов проявила свое нейтральное, терпимое отношение к процессу подобного перехода [4, 14]. Хотя среди православных процент тех, кто не одобряет смену религии, оказался существенно выше, чем среди мусульман. Следует отметить, что астраханские исследователи подчеркивают благоприятное влияние поликультурности и фронтирности региона на воспитание толерантных отношений между представителями различных конфессий и снижение рисков религиозной дестабилизации.

Угроза со стороны нетрадиционных конфессий как скрытая идеология социологических исследований

Современная российская карта угроз религиозной безопасности многогранна. Первое место в иерархии угроз занимает деятельность радикальных исламистов, пропагандирующих экстремистские цели, на втором месте — активность нетрадиционных религий. Заметной тенденцией современных социологических исследований духовной сферы является представление нетрадиционных для России конфессий как серьезной угрозы религиозной безопасности.

Отечественное государство и общество издавна недоверчиво относятся к нетрадиционным религиозным деноминациям. Угроза активного прозелитизма обнаруживается в нежелательном размытии духовных скреп российской цивилизации. Однако некоторые исследователи рассматривают препятствия и гонения на нетрадиционные религии как необоснованные и нерациональные [5].

Общей тенденцией при составлении социологического инструментария, применяемого для

исследований религиозных угроз, является объединение под определением «нетрадиционные религии» таких разнородных явлений, как ваххабизм, движение свидетелей Иеговы, протестантизм, кришнаизм и т. д. [9, 11, 13, 17]. Всё «нетрадиционное» объявляется нежелательным, в том числе и с опорой на социологические доказательства. Например, в исследовании Института социологии РАН (2014-2015 гг.) была выявлена корреляция между патриотизмом и приверженностью к традиционной религии. Оказалось, что суждение о том, что «Родина у человека одна и нехорошо ее покидать», разделяют 58% православных и мусульман, 51% атеистов и 43% верующих всех конфессий. Космополитические настроения, наоборот, доминируют в группе внеконфессиональных верующих — 57%, среди атеистов поддерживают такие настроения 48%» [7].

Всероссийский опрос Института социологии РАН в 2014-2015 гг. (проведенный более авторитетными инстанциями и с более строгим соблюдением методических принципов) показал, что лишь около четверти россиян не одобряют распространение нетрадиционных религий. При этом наиболее негативно к последним относятся не православные и не мусульмане, а, как это ни странно, атеисты [7].

Опрос, проведенный в августе 2017 г. в Мордовии, показал схожие результаты. Респондентам предложили определить свое отношение к различным религиям. Большинство нетрадиционных религий удостоились оценки безразличия, негативное отношение высказали около 10% опрошенных [10]. Таким образом, в отечественном социологическом дискурсе присутствует стремление представить нетрадиционные религии как угрозу, а верующего — как источник угрозы. Однако общественное мнение прозелитизмом обеспокоено в существенно меньшей степени.

В свою очередь многие эмпирические и теоретические исследования определяют взаимодействие государства и некоторых конфессий как позитивный фактор религиозной безопасности. С точки зрения политической теории, тесное политическое взаимодействие государственных органов с традиционными конфессиями имеет

амбивалентный характер, одновременно выступая и как фактор нарастания социальной напряженности (появление недовольных сакрализацией власти или предоставлением религиозным организациям необоснованных привилегий), и как фактор борьбы с деструктивными религиозными течениями.

Для отечественных политологов первоочередным значением обладает второй фактор, объясняющий необходимость сотрудничества государственной власти и религии [8]. Одним из факторов распространения конфессионального экстремизма астраханские ученые называют недостаточную религиозную грамотность населения, а также слабое взаимодействие между традиционными конфессиями и общественными организациями, а также государственными органами в процессе повышения уровня религиозной культуры населения [1, с. 107-117].

Однако всероссийский социологический опрос, проведенный ИС РАН в 2014-2015 гг., показал, что общество от религиозных организаций ожидает духовно-нравственного воспитания (45% православных и 41% мусульман), благотворительной деятельности (30% опрошенных), сбережения культурного наследия (23% опрошенных), и лишь на четвертом месте находится деятельность по нейтрализации экстремизма [7]. Стоит отметить расхождения оценки роли традиционных религиозных организаций в противодействии экстремизму в политологическом и общественном дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношение общества к распространению нетрадиционных религий, перспективы сотрудничества конфессий с государством и политизации традиционных религий, а также развития межконфессиональных отношений являются главными вопросами социологического исследования религиозной безопасности. Властный и экспертный дискурс в России актуализирует угрозу прозелитизма новых религий, их активную миссионерскую деятельность, способную размыть духовные скрепы российского общества. Однако для массового сознания данные угрозы

представляются несущественными. Лишь определенные корректировки формулировок вопросов способны дать результаты, подтверждающие алармистскую точку зрения.

Таким образом, всероссийские массовые опросы, репрезентирующие мнение населения страны, обычно показывают невысокий уровень актуальности угроз религиозной безопасности. Хотя, безусловно, в различных регионах и этноконфессиональных группах результаты опросов варьируются. Однако изменение формулировки вопроса, позволяющее выяснить мнение населения о развитии ситуации в будущем, приводит к фиксации реальных массовых страхов перед возмож-

ным ухудшением ситуации в ближайшей перспективе (даже у, казалось бы, благополучного конфессионального большинства). Тем самым именно выбор методики исследования, в немалой мере определяющей его результаты, может формировать адекватные или иллюзорные представления о степени религиозной безопасности как у заказчиков исследования, так и в целом у населения нашей страны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарникова И. С. Роль традиционных религий в противодействии религиозному экстремизму: региональный аспект / И. С. Бочарникова, С. Д. Постнов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 101-107.
2. Дробижина Л. М. Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологического исследования) / Л. М. Дробижина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3. С. 64-72.
3. Дрягалов В. С. Конфессиональная политика на юге России (сравнительный анализ) / В. С. Дрягалов, М. С. Топчиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 102-111.
4. Дрягалов В. С. Религиозная трансгрессия и религиозная идентичность молодежи на фронтальных территориях Северного Прикаспия / В. С. Дрягалов, М. С. Топчиев // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Том 17. № 4. С. 61-82.
5. Лункин Р. Н. Религия и право в современной России / Р. Н. Лункин, И. В. Загребина. М.: Юриспруденция, 2017. 256 с.
6. Муслимов С. Ш. Религиозно-политический экстремизм в оценке массового сознания дагестанцев / С. Ш. Муслимов // Исламоведение. 2011. № 3. С. 94-99.
7. Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности / М. М. Мчедлова // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110-118.
8. Мчедлова М. М. Российская идентичность: патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий фактор / М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко // Ислам в современном мире. 2015. № 3. С. 35-48.
9. Овчинников А. И. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении / А. И. Овчинников, М. Д. Фоминская // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7-15.
10. Полутин С. В. Этноконфессиональная ситуация в республике Мордовия: социологический аспект / С. В. Полутин, Н. В. Шумкова, А. М. Чушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 134-147.
11. Полутин С. В. Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе / С. В. Полутин, А. М. Чушкин // Регионоведение. 2014. № 1. С. 114-122.
12. Результаты мониторинга общественного мнения по вопросам межкультурного и межрелигиозного диалога в Волгоградской области (2011-2013 годы) / авт.-сост. Е. О. Беликова, А. Г. Нестерова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013.

13. Романова А. П. Конфессиональная политика и религиозные сети в современной России (на примере поликультурного региона — Астраханская область) / А. П. Романова, М. С. Топчиев // Сети в публичной политике. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 169-176.
14. Топчиев М. С. Современная религиозность и ее трансгрессивные особенности (на примере Астраханской области как части прикаспийского фронта) / М. С. Топчиев // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. № 3. С. 126-134.
15. Топчиев М. С. Трансформация отношения к хиджабу как к маркеру чужого в современной культуре / М. С. Топчиев, В. В. Штонда // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3. С. 171-179.
16. Фурман Д. Религиозность в России на рубеже XX-XXI столетий / Д. Фурман, К. Каарияйнен // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 109-111.
17. Шахбанова М. М. Межконфессиональный диалог: место и роль в современном обществе (по результатам социологического исследования в Дагестане) / М. М. Шахбанова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 1. С. 29-32.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-65-73

UDC 316.74

Practice and ideology of regional studies of religious security

Ivan V. Suslov

Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of History, Political Science and Sociology,
Saratov State Legal Academy (Saratov, Russian Federation)
suslov85@inbox.ru

Abstract. The contemporary Russian map of threats to religious security is multifaceted. The first place in the hierarchy of threats is the activity of radical Islamists promoting extremist goals, while the second place belongs to the activity of non-traditional religions. This article is devoted to the analysis of methodological tools and results of regional and All-Russian sociological surveys aimed at determining the quality of interfaith relations and the place of religious risks in the national security system. Research into the religious sphere requires a certain sensitivity, which only complicates the process of compiling empirical tools. This article analyzes the experience of sociological surveys in the Volga Region (Bashkortostan, Penze, Ulyanovsk, Mordovia, Astrakhan) and the North Caucasus, using the data from All-Russian surveys. The purpose of this article is to identify the most effective methodological strategies for measuring sectarian tension and determining the risk of religious violence. The analysis of methodological tools shows that the high anxiety of mass consciousness can be recorded using questions on a number of issues. They include the admissibility or inadmissibility of violence in interreligious relations; the need to grant special rights to a denomination (to formalize its dominant position); the benefits or harms of the transition from one religion to another; the attitude towards the demonstration of religious symbols in the public sphere (e. g. hijab). The analysis of empirical research strategies allowed recording the tendency to present non-traditional faiths for Russia as a serious threat to the religious security, as well as to unite under a single cap such diverse phenomena as Wahhabism, the movement of Jehovah's Witnesses, Protestantism, and Krishnaism. On the contrary, Russian political scientists consider traditional religions the main allies of the state in the field of maintaining religious security. The author concludes that the choice of methods can influence individual and collective perceptions of religious security.

Keywords: religious security, interfaith relations, methodological tools, empirical research.

Citation: Suslov I. V. 2019. "Practice and ideology of regional studies of religious security". *Siberian Socium*, vol. 3, no 4 (10), pp. 65-73.
DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-65-73

Acknowledgements. This study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of scientific project No 19-011-00389.

REFERENCES

1. Bocharnikova I. S., Postnov S. D. 2017. "The role of traditional religions in countering religious extremism: regional dimension". *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, no 1, pp. 101-107. [In Russian]

2. Drobizheva L. M. 2015. "The potential of favourable relations in the regions of the Volga region (according to the results of sociological research)". *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, no 3, pp. 64-72. [In Russian]
3. Dryagalov V. S., Topchiev M. S. 2014. "Denominational policy in southern Russia (comparative analysis)". *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, no 3, pp. 102-111. [In Russian]
4. Dryagalov V. S., Topchiev M. S. 2016. "Religious transgression and religious identity of young people in the frontline territories of Northern Prikaspiya". *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 17, no 4, pp. 61-82. [In Russian]
5. Lunkin R. N., Zagrebina I. V. 2017. *Religion and Law in the Contemporary Russia*. Moscow: *Yurisprudentsiya*. [In Russian]
6. Muslimov S. Sh. 2011. "Religious-political extremism in the evaluation of mass consciousness of Dagestan". *Islamovedenie*, no 3, pp. 94-99. [In Russian]
7. Mchedlova M. M. 2016. "Religion, society, state: challenges and threats of our time". *Sociological Studies*, no 10, pp. 110-118. [In Russian]
8. Mchedlova M. M., Gavrilov Yu. A., Shevchenko A. G. 2015. "Russian identity: patriotism, state, religious and worldview factor". *Islam v sovremennom mire*, no 3, pp. 35-48. [In Russian]
9. Ovchinnikov A. I., Fominskaya M. D. 2014. "Russian religious security and the role of law in ensuring it". *Severo-Kavkazskiy yuridicheskij vestnik*, no 3, pp. 7-15. [In Russian]
10. Polutin S. V., Shumkova N. V., Chushkin A. M. 2018. "Ethno-religious situation in the Republic of Mordovia: sociological aspect". *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, no 1, pp. 134-147. [In Russian]
11. Polutin S. V., Chushkin A. M. 2014. "Ethno-religious threats in the Volga Region". *Regionologiya*, no 1, pp. 114-122. [In Russian]
12. Belikova E. O., Nesterova A. G. (eds). 2013. *The Results of Monitoring Public Opinion on Intercultural and Interreligious Dialogue in the Volgograd Region (2011-2013)*. Volgograd: VolGU. [In Russian]
13. Romanova A. P., Topchiev M. S. 2014. "Confessional policy and religious networks in the contemporary Russia (the case of a multicultural region — Astrakhan region)". In: *Networks in Public Policy*, pp. 169-176. Moscow: *Politicheskaya entsiklopediya*. [In Russian]
14. Topchiev M. S. 2016. "The contemporary religion and its transgressive features (on the example of the Astrakhan region as part of the Caspian front)". *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, no 3, pp. 126-134. [In Russian]
15. Topchiev M. S., Shtonda V. V. 2017. "Transforming attitudes towards hijab as a marker of strangers in modern culture". *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, no 3, pp. 171-179. [In Russian]
16. Furman D., Kaariainen K. 2007. "Religiousness in Russia at the turn of the 20th-21st centuries". *Obshhestvennye nauki i sovremennost*, no 1, pp. 109-111. [In Russian]
17. Shahbanova M. M. 2011. "Interfaith dialogue: place and role in modern society (according to the results of sociological research in Dagestan)". *Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki*, no 1, pp. 29-32. [In Russian]